



## Великий, родной, простой

В октябре 1918 года уроженец села Даратники нашего района Дмитрий Семёнович Модин ушёл добровольцем на фронт защищать молодую Советскую республику,

В марте 1919 года Модин был направлен на первые пулемётные курсы в Кремле. Будучи курсантом, Д. С. Модин не раз охранял квартиру Владимира Ильича Ленина. Ему посчастливилось встречаться с Владимиром Ильичём и однажды быть у него на приёме.

О службе на первых пулемётных курсах в Кремле и о встречах с Владимиром Ильичём Лениным Д. С. Модин подробно рассказывал в беседе с работниками Центрального партийного архива института Маркса—Энгельса—Ленина.

Воспользовавшись стенограммой этой беседы, мы печатаем воспоминания Д. С. Модина о встречах с Владимиром Ильичём Лениным.

В марте месяце 1919 года, в день смерти Якова Михайловича Свердлова, я был назначен в караул. Стоял внизу, у центрального подъезда здания правительства. Вдруг в подъезд вошёл Владимир Ильич с двумя-тремя товарищами. Вид у Владимира Ильича был расстроенный. Он спросил меня: «Слышали, несчастье какое случилось?» Я говорю: «Не слышал». «Яков Михайлович Свердлов умер».

Это было мартовской ночью 1919 года, но я до сих пор отчётливо помню, как родной Ильич поделился со мной горем утраты Я. М. Свердлова.

Второй раз я видел Владимира Ильича, когда он пришёл к нам в казарму вместе с Михаилом Ивановичем Калининным. Дело было в начале апреля, было ещё очень холодно. Они ходили по нашей казарме, беседовали с курсантами и видят, между прочим, что мы сидим без шинелей: «Неужели вам тепло, что вы все раздетые? — спрашивает Владимир Ильич, — а вот мы всё ёжмся... Смотрите что годы-то делают: нам одетым свеженько, а они раздетые сидят».

В нашей казарме на первом этаже была столовая. Как-то раз летом я был дневальным и вдруг вижу: входит на кухню Владимир Ильич и спрашивает:

— Что, начали уже обед?

— Начали.

— Никакой команды не подавайте, чтобы никто не знал из курсантов. А я на заднем столике там устроюсь, попробую пищу.

Прошёл, сел за этот столик (он у нас назывался «сборным», самый задний), попробовал пищу и быстро ушёл.

Несколько раз мне приходилось стоять на посту возле квартиры Ленина. Обычно в 8—9 часов утра Владимир Ильич выйдет, поздоровается и спросит: «Газеты ещё не подавали?» Но не всегда спрашивал: чаще газеты ему приносили в кабинет, а иногда он их и на квартиру получал. Когда нажмёшь кнопку, на звонок выходил только Владимир Ильич.

В конце лета 1919 года я подал личное заявление в «нижнюю приёмную» о чрезвычайном налоге на буржуазию и кулаков. В нашем селе очень мало кулаков было обложено, и в своём заявлении я указал, что даратниковские богатеи Резчиковы, Кузнецовы и другие имеют средства, но не обложены. Хотя я тогда был ещё мальчишкой, но мне понравилось, что очень быстро реагировали на моё заявление: дней через пять пришёл ответ, где говорилось, что по заявлению приняты такие-то меры.

В 1915 году был убит на фронте мой брат, в 1920 году умер отец. Дома остались старуха-мать и сестра. Была у нас большая нужда, в частности, в хомуте да в колёсах.

Я обратился к комиссару училища тов. Петропавловскому с просьбой помочь насчёт хомута и колёс. Я знал, что в Никоновском проезде хранится брак: хомуты, колеса, и всё это пропадает, гниёт. Я попросил, чтобы мне оттуда отпустили. Тов. Петропавловский говорит: «Напиши заявление в Наркомзем...»

Стою я как-то на посту у квартиры Владимира Ильича и думаю: «А что если напишу Владимиру Ильичу про такое безобразие: гниёт этот брак, пропадает, а мне не дают».

Моё заявление было передано в секретариат. Потом мне позвонили. Я вошёл. Секретарь пошла к Владимиру Ильичу и вскоре выходит от него: «Оставьте, говорит, ваше заявление тут». Пока я с ней говорил, вышел Владимир Ильич сам и говорит секретарю: «Вот вы ему всё и сделайте». Потом обратился ко мне: «Вы Москву хорошо знаете? Тогда пройдите лучше сами в Козитский переулок, где был магазин Елисеева, вас там удовлетворят». Мне дали от Владимира Ильича записочку на бланке: «Просьбу тов. Модина удовлетворить». А в чем просьба — не написали. Вот какая была простота и доверие...

Хомут я получил в Хамовниках, а насчёт колёс было так. В Сокольниках я получил распоряжение на изготовление на заводе № 1 одного стана колёс. Я попросил своего товарища, бывшего кузнеца, пойти со мной, чтобы получше выбрать. Он выбрал тяжёлый дуб. Мне сделали капитальный стан колёс, но такой тяжёлый, что наша лошадь не могла его везти.

Когда я снова приехал в деревню с фронта, тяжело контуженный, крестьяне мне говорят: «У вас колеса без дела стоят, мы их хотим под пожарную трубу взять. Она на трёх лошадях». Я и отдал.

Как-то моя дочка пошла в пожарный сарай и спросила: «А где тут Модина колеса?» «Какого Модина? — ответили ей там, — это от Владимира Ильича колеса, он нам прислал». И посейчас там шутка ходит: «У нас пожарная труба на ленинских колёсах».